

Ху Чэ безразлично пробормотал пару фраз, ведь это и так не его дело, он просто искал тему для разговора. Затем он перешел к недавним слухам в столице:

— Сюй Лаосань в последнее время переживает не лучшие времена.

— Сюй Лаосань? Что с ним случилось?

В прошлой жизни Сюй Лаосань вызывал у него отвращение. Тот, кого он раньше презирал, вдруг захотел силой заполучить его. Если бы не его собственные средства и связи, которые он смог использовать, возможно, тому бы это удалось. В этой жизни у него пока не было времени разбираться с этим, а его окружение было незнакомым, поэтому он спокойно использовал руку Линь Хэчэна — разве отец не может отомстить за сына?

— Ты не знаешь?

Ху Чэ посмотрел на Линь Даня и понял, что тот не притворяется. Подумав о том, как Линь Дань был занят в последние дни, он решил, что у того действительно не было времени заниматься каким-то повесой, да еще и не из его поколения. Однако, если Линь Дань не знает, ему будет сложно говорить, ведь то, что натворил Сюй Лаосань, было крайне неприличным. А Линь Дань... прежний Линь Янь был благородным человеком, а нынешний Линь Даньдань был еще ребенком!

Линь Дань с недоумением смотрел, как Ху Чэ постепенно краснел:

— Ну, говори же.

Ху Чэ долго молчал, покраснел и убежал.

Линь Дань не смог сдержать вздоха и позвал А Чжу, чтобы узнать подробности.

А Чжу тоже выглядел смущенным и, запинаясь, сказал:

— Господина Сюя обвинили цензоры за то, что его семья построила даосский храм за городом, где происходили непристойные дела. Господин Сюй провел расследование и обнаружил, что это дело рук третьего господина Сюя. Теперь того наказали домашним наказанием и заперли в родовом храме.

Линь Дань сдержал улыбку, внутренне радуясь. В прошлой жизни он тогда еще не родился, поэтому не знал об этих событиях. Он просто предполагал, что у Сюй Лаосаня должно быть много слабостей. Но он не ожидал, что тот станет сводником.

В Великой Шан было много даосских храмов, но настоящих даосов и даосских монахинь было мало. Некоторые так называемые храмы занимались делами, о которых все знали.

Даже те, кто любил развлечения, обычно просто приглашали «монахов» и «монахинь» на «прогулки». Чиновники презирали торговцев, не говоря уже о таких низменных занятиях. Когда такие дела выходят на свет, семье Сюй придется какое-то время прятать лицо, а Сюй Лаосань, как главный виновник, конечно, не сойдет с рук легко.

Подобные храмы существовали в тени. Даосская секта не могла их искоренить, поэтому их просто оставляли в покое. Нынешний государственный советник был даосом, и Бюро астрономии также находилось под их контролем. После такого скандала с семьей Сюй, даже ради сохранения лица, даосы не оставят их в покое.

Не зря его отец, ударив, попал в самое больное место. Сюй Лаосань даже не был достойным повесой, а умудрился совершить такую ошибку. Сдохнуть ему — это заслуженно.

Разве повесы только и делают, что дерутся и играют в азартные игры? Повесы тоже бывают разными! Его отец и Сюй Лаосань — это совершенно разные уровни!

Земля рядом с усадьбой, должно быть, скоро будет его. Семена цветов уже у него, осталось дожидаться весны, чтобы посадить.

Ах да, не только цветы, но и траву.

Кроликов мало кто держит, потому что они слишком прожорливы. Не ожидаешь, что такие маленькие существа могут съесть столько, их рот не закрывается ни на минуту.

Корм для кроликов найти несложно. Земля усадьбы с горячим источником не слишком плодородна, но для выращивания травы подойдет. К тому же усадьба находится в пригороде, и хотя у них мало людей, вокруг много фермеров. Он может покупать корм у этих фермеров, это даже дети смогут делать. Когда он выведет породу кроликов, фермеры смогут их разводить, а он будет просто покупать.

Ладно, пока это слишком рано, у него даже крольчонка еще нет.

Линь Дань размышлял о будущих планах, одновременно практикуя каллиграфию, и вдруг вспомнил взгляд Ху Чэ, с легкой усмешкой пробормотал:

— Проколотся?

Каллиграфия — это душа ученого.

Ученый с красивым почерком имеет преимущество, даже при оценке экзаменационных работ.

Почерк Линь Яня был довольно известен, среди сверстников он выделялся. Линь Дань тоже был неплох, ведь их учил один и тот же мастер, и их стили были схожи. В семье Линь все писали хорошо — учеба зависит от ума и понимания, но почерк? Усердие и практика помогут добиться результата. Даже такие повесы, как седьмой господин Линь и Линь Даньдань, которые думали только о еде и развлечениях, освоили все, что нужно.

Но для знатоков почерк Линь Яня и Линь Даня сильно отличался.

Почерк Линь Яня был ровным и спокойным, а почерк Линь Даня — свободным и небрежным.

Линь Дань знал об этом и, несмотря на занятость, каждый день практиковался, стараясь приблизиться к стилю старшего брата, но успехи были скромными. Одно-два слова можно подделать, но на целой странице всегда что-то выбивалось.

Ху Чэ, который делил с ним кабинет, конечно, заметил. Но он считал, что Линь Дань пережил тяжелые времена, и его характер изменился, поэтому изменение почерка, хоть и странное, не вызывало вопросов.

Проблема была в письмах, которые он отправлял домой. Дедушка и дядя... отец наверняка заметил. Если бы они узнали, что он Даньдань, а не старший брат, неизвестно, сочли бы его одержимым или поверили бы ему? Родители и братья были живы, и все это казалось слишком хорошим, чтобы быть правдой. Он боялся, что, если правда выйдет наружу, все изменится.

— Ладно, как говорится, дорога приведет к мосту.

В конце концов, он был настоящим потомком семьи Линь, и, даже став старшим братом, он оставался частью семьи и должен был взять на себя его обязанности.

Но учиться — это так надоедает!

Очень!

Почему у старшего брата такой ум? Он смотрел на эти науки, и голова шла кругом, даже с будущим ученым рядом и знаменитым даосом Юем в качестве учителя!

Линь Даньдань клялся, что за две жизни он никогда так не старался, и прогресс был виден. Но он даже не закончил читать записи старшего брата. Хотя он все это уже изучал раньше.

В кабинете урок даоса Юя закончился:

— Хорошо, завтра и послезавтра у вас нет занятий, проведите время с одноклассниками. Старший господин, тебе нельзя пить, ложись спать пораньше. Третий господин, присмотри за ним.

Оба согласились и проводили даоса Юя.

Подготовка к экзамену на звание туншэна для даоса Юя была пустой тратой времени, так как Линь Янь и Ху Чэ уже давно прошли этот этап, и его уроки были рассчитаны на более высокий уровень.

К сожалению, Линь Дань не был Линь Янем. У него было много пробелов в базовых знаниях, и, пытаясь прыгнуть в мир отличников, он не мог угнаться за программой.

Он уже не думал о том, раскрылся ли он, и просто решил использовать Ху Чэ как репетитора:

— Повторение — мать учения, объясни мне этот отрывок.

Будущий ученый пока не достиг своего будущего уровня, но помочь Линь Даньданю было ему под силу. Он видел изменения в Линь Даньдане, но не мог спрашивать. Ведь даже семья Линь не задавала вопросов, как он, чужак, мог лезть?

К тому же у него были свои скрытые мысли. Ему нравился нынешний Даньдань, а не тот старый враг. Хорошо бы, если бы Даньдань оставался таким.

Итак, двое сидели в кабинете: Ху Чэ повторял, а Линь Дань учился.

Папа Даня: Что ты делаешь?

Молодой папа: Покупаю землю для сына.

Папа Даня: Ты даже жену еще не завел, а уже занимаешься делами моего сына!

Молодой папа: Тогда ты купи землю для Даньданя.

Папа Даня: Издеваешься над моей бедностью...

<http://bllate.org/book/17701/1652644>